

БАБЧЕНКО Марина Сергеевна – старший преподаватель кафедры политологии и политического анализа Института государственного управления и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко» (Республика Молдова (Приднестровье), г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 128, MD-3300; ssbck@mail.ru)

МЕХАНИЗМЫ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. Основываясь на классическом подходе М. Вебера, дополняя его разработками современных немецких ученых, автор делает обзор механизмов легитимации Приднестровского государства с момента его создания до текущих дней. Анализ динамики использования конкретных механизмов легитимации власти в Приднестровье выявил особую роль таких факторов, как международная обстановка, персональный стиль политического руководства, доступность имеющихся у власти ресурсов, а также политическая целесообразность их использования.

Ключевые слова: Приднестровская Молдавская Республика, легитимация власти, внешняя легитимация, внутренняя легитимация, внешний суверенитет, внутренний суверенитет, механизмы легитимации

Введение

Зачастую авторы используют термины «легитимность» и «суверенитет» как синонимичные. Возникшая гораздо позже идеи суверенитета, в начале XIX в., концепция легитимности представляла собой попытку провести различия между правлением, имеющим моральное обоснование и не имеющим такового, т.е. дать оценку тому, что на протяжении многих веков не подвергалось сомнению – праву суверена. В некотором роде легитимность представлялась как синоним справедливости. Однако впоследствии, как и в случае со многими другими концепциями, эта идея превратилась в средство конкурентной борьбы. На сегодняшний день концепция легитимности может рассматриваться и как инструмент борьбы с неудобными политическими режимами, и как форма обоснования дееспособности государства, правомочности его существования в отсутствие широкого международного признания (непосредственно – внешний суверенитет).

Постараемся разграничить понятия легитимности и суверенитета. Внутренний суверенитет означает, что государство способно контролировать все формы внутренней жизни страны, распоряжаться своей территорией и ресурсами, а также принимать общеобязательные на всей территории страны законы и обеспечивать их исполнение. Внешний суверенитет обозначает способность государства самостоятельно осуществлять свою внешнюю политику, по своей воле устанавливать или разрывать дипломатические отношения с другими государствами, вступать в международные организации и выходить из них, заключать международные договоры, решать вопросы войны и мира и осуществлять защиту своей территории.

Если суверенитет – это верховенство и независимость государственной власти внутри страны и независимость в международных отношениях, то легитимность – это признание суверенитета. Легитимация же, в свою очередь, – это придание политическому режиму или государству в целом свойства легитимности. Внутриполитическая легитимация – это процесс наделе-

ния политического режима свойством легитимности в глазах собственного населения. Внешнеполитическая легитимация – это процесс признания со стороны внешней аудитории. Механизмы внутренней легитимации – это приемы и средства выражения поддержки власти, государству со стороны внутренней аудитории, со стороны подданных. Механизмы внешней легитимации власти – это приемы и средства выражения поддержки власти, государству со стороны иностранной аудитории (внешней).

Признание государства через официальную политико-дипломатическую процедуру – это один из механизмов признания суверенитета государства, частное проявление внешней легитимации, но далеко не единственный. Так, наряду с внешним признанием активно используется такая форма внешней легитимации, как установление фактических отношений между государствами или его отдельными частями, органами власти, институтами.

Можно сказать, что суверенитет – это некий статус, а легитимность – это приписываемое свойство, или качество государства. И то и другое – тесно связанные между собой политические категории, посредством которых обозначают процессы, характеризующие отношения одного государства с другими, но не тождественные.

Реальный суверенитет – это статус, проявленный в действии, или подтвержденная практикой легитимность.

Внешнеполитический суверенитет может быть формальным и фактическим. Для формального суверенитета достаточно просто объявить себя независимым, но для фактического важно осуществлять некоторые действия как независимый субъект международных отношений. Наличие фактического суверенитета вовсе не обязательно сопровождается внешней легитимацией: государство может вести самостоятельную политику, не имея широкой поддержки.

Российский исследователь В.А. Колосов рассматривает внешнюю и внутреннюю легитимацию как две из четырех ключевых характеристик, обеспечивающих жизнеспособность современного государства. Внутренняя легитимность включает в себя лояльность граждан, контроль над территорией и монополию на насилие (таким образом, в содержание легитимности автор вводит традиционные компоненты суверенитета). Вторая характеристика – внешний правовой статус (признание). Две оставшиеся – способность реализовывать ключевые функции (обеспечивать безопасность граждан, формировать экономическое пространство), формировать представительные институты, служить посредником между гражданским обществом и правительством [Колосов 2022: 69].

Иногда легитимность рассматривают как неотъемлемое условие демократии [Засяева 2013: 156], что, по нашему мнению, является ошибочным: не каждая демократия легитимна и не каждая легитимная власть демократична, хотя взаимные пересечения здесь не исключены.

Классик социологической науки Макс Вебер определил три типа легитимности – традиционную, харизматическую и рационально-правовую [Ожиганов 2023: 63]. Соответственно, можно говорить о трех механизмах легитимации – через традицию (культуру), через законы или под влиянием харизмы лидера. Эту классификацию мы взяли за основу текущего исследования, нацеленного на описание и анализ механизмов внутренней и внешней легитимации власти в Приднестровье. Однако она учитывает только внутренние аспекты легитимации, для анализа внешних аспектов мы дополнили методологию текущего исследования анализом внешнеполитической стра-

тегии, отраженной в правовых документах, внешнеполитическом дискурсе и тактических решениях власти.

Многие исследования, посвященные стратегиям легитимации, подчеркивают многоаспектный характер этой концепции. Представители Гамбургского института глобальных и региональных исследований имени Лейбница (*GIGA*) Кристиан фон Зост и Джулия Граувогель, основываясь на наблюдениях за странами постсоветского пространства в 1991–2010-х гг., выделили пять стратегий легитимации политического режима: это идеология, основополагающий миф, персонализм, международное взаимодействие, процедурные механизмы и эффективность. Эти шесть измерений представляют собой потенциально взаимосвязанные, но функционально различные механизмы [Soest, Grauvogel 2015: 6].

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению особенностей легитимации власти в Приднестровье, рассмотрим особенности положения самопровозглашенных государств в целом. Во многом эти особенности задают ограничения во внешней легитимации, но в то же время определяют специфику подхода к обоснованию власти на внутреннем периметре.

Особенности развития самопровозглашенных государств постсоветского пространства

Стремясь проанализировать сущность и раскрыть особенности положения государств, не имеющих международного признания, на протяжении последних десятилетий ученые разрабатывают многочисленные оригинальные концепты, вводя новые понятия для обозначения феномена таких социально-политических образований. Среди них можно отметить концепцию хрупкой государственности [Schneckenner 2004], сепаратизма [Lynch 2002], де-факто государств [Маркедонов 2018], самопровозглашенных государств [Аклаев 2005; Черкашина 2018], государств с отложенным политическим статусом [Олейников 2014] и даже микрогосударств [Колосов 2022] и др.

Термин «самопровозглашенные государства» (*self-proclaimed states*) подвергся в научной литературе критике. Так, по мнению эксперта по постсоветскому пространству С. Маркедонова, более предпочтительным является термин *de facto* государства, т.е. государства устоявшиеся, а в прилагательном «самопровозглашенный» эксперт видит скорее декларативную сторону¹. В то же время представители приднестровской школы политологии, к которой автор причисляет и себя, придают этому термину несколько иной смысл, закладывают в него референдарную коннотацию: действительно, государство Приднестровье создано по воле народа, выраженной на всенародном референдуме («само провозглашено»).

Несмотря на определенную культурную, историческую специфику, жизнедеятельность самопровозглашенных государств характеризуется общими чертами, среди которых следует выделить:

– отсутствие гарантий их существования посредством распространения на них международной нормы территориальной неприкосновенности. Устойчивость и выживание самопровозглашенных государств в первую очередь основаны на внутренней поддержке и успешном государственном стро-

---

¹ Маркедонов С.М. Государства de facto. — *Агентство политических новостей*. 14.11.2006. Доступ: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=10896&ysclid=1k8n11obcl165664466> (проверено 16.07.2024).

ительстве, а также на слабости «материнского» государства и внешней поддержке со стороны сильного покровителя [Kolsto 2006];

– постсоветские де-факто государства обладают достаточной нормативно-правовой базой для формирования и реализации своей внешней политики. С помощью как международного, так и национального – конституционного – права они регулируют основные принципы внешнеполитической деятельности; также для них характерно наличие зарубежных органов внешних сношений, однако степень институционализации внешней политики в таких государствах различается [Онопко, Загородний 2018: 88-89];

– «не столько силен приднестровский сепаратизм, сколько слаба молдавская государственность»¹: как правило, материнское государство – многосоставное, однако оно не справляется с вызовами регионализма, оказывается неспособным вести грамотную региональную политику;

– часто самопровозглашенные государства либо в промышленном отношении более развиты (и, следовательно, уровень жизни в таких образованиях выше), либо обладают уникальностью, которая не может быть восполнена экономикой других регионов, однако это преимущество с годами снижается;

– экономические санкции, рестрикции, внешнее давление сопровождают развитие этих государств и являются константой в характеристиках внешней среды. Эти государства вынуждены осуществлять все свои процессы, находясь под давлением, которое носит долгосрочный характер, что вырабатывает определенный политический стиль, определенные паттерны поведения как среди населения, так и среди руководства. С одной стороны, это постоянный поиск путей выхода из кризиса, с другой – нередко занимаемая позиция жертвы, развитие «осадной» психологии.

Рассмотрим механизмы легитимации власти в ПМР, как внешней, так и внутренней, в контексте политической истории Приднестровья. В основу периодизации динамики легитимации власти в Приднестровье мы взяли следующие критерии:

– основной внешнеполитический лейтмотив власти в контексте общегосударственных задач;

– определение социального и политического ресурса внутренней легитимации;

– соотношение механизмов внутренней и внешней легитимации;

– практические шаги по реализации внешнеполитического курса в конкретно-исторический период.

Мы также включили в методологическую канву исследования соотношение применявшихся приднестровской властью механизмов легитимации с упомянутыми выше пятью стратегиями, выделенными немецкими исследователями из Гамбургского института глобальных и региональных исследований, с поправкой на то, что упомянутые исследователи не проводят различия между внутривнутриполитической и внешнеполитической легитимностью, а такой фактор, как «международное взаимодействие», рассматривают как один из механизмов обеспечения внутренней легитимности.

Легитимация власти в Приднестровье в 1990–2011 гг.:

через харизматическую легитимность к синдрому «осажденной крепости»

Легитимация власти при первом президенте ПМР И.Н. Смирнове осуществлялась на начальных порах в условиях необходимости практически с нуля

¹ Там же.

формировать систему государственного управления, отражать агрессию со стороны РМ — как военную, так и невоенную, а также выстраивать внешне-политические отношения.

Такие механизмы легитимации, как формирование базового мифа и использование идеологии, играли ключевую роль в первые 10-15 лет существования ПМР. Базовый миф (*foundational myth*): «Приднестровье — государство, которое создано для защиты русскоязычного населения от румынского национализма. Приднестровье и Молдову искусственно объединили в рамках СССР. Появление независимого Приднестровского государства связано с распадом СССР и нежеланием оставаться в едином политическом союзе с Молдовой. В 1992 г. ПМР пережила войну, которая стала точкой невозврата для сторон». Идеология (*ideology*): Приднестровье — часть русского мира и одновременно перекресток цивилизаций, где встречаются интересы Востока и Запада. Приднестровцы — многонациональный народ.

Война 1992 г. стала одним из стержневых смыслов государственной идеологии, способствовала формированию синдрома «осажденной крепости». Образовательная система, медиа, официальная идеология транслировали тезисы о виктимности приднестровского народа, навязывая противостояние между Приднестровьем и молдавской политической элитой. Вместе с тем приднестровский государственный проект не наполнялся внутренними смыслами, которые соответствовали бы духу времени, содержали в себе конструктивную мотивацию, более развернутое видение будущего Приднестровья. Использование внешнего фактора в этот период связано с созданием чувства страха перед агрессором и, как следствие, необходимости объединения, сохранения внутривосточного мира.

По классификации М. Вебера, первая половина 20-летнего президентства И.Н. Смирнова как родоначальника приднестровской государственности характеризовалась преобладанием харизматической легитимности, что было обусловлено личностными качествами лидера страны — яркого харизматика, выступавшего за независимость молодой республики. Таким образом, активно использовалась стратегия персонализма. При этом подчеркивались именно экстраординарные лидерские способности и опыт президента. С течением времени значение этого фактора снижалось.

С нулевых годов в ПМР активно взращивается новая элита, формируемая на базе капиталистической страты. Впоследствии эта страта, помимо экономических ресурсов, получает политические рычаги влияния — через членство в партии «Обновление», депутатские мандаты в Верховном совете ПМР.

К 2009 г. со стороны этой страты сформировался запрос на обновление общественного договора, но он не был услышан властью и вылился в конституционный кризис. Результатом кризиса стали уход ряда политиков с политического поля — председателя Верховного совета ПМР Е.В. Шевчука (временно), вице-президента ПМР А.И. Королева, ликвидация поста вице-президента, изменение структуры власти в пользу ослабления института президентства, введение вместо Кабинета министров, подотчетного главе государства, Правительства ПМР, имеющего двойное подчинение.

Политика памяти, основанная на виктимности Приднестровья, перестает давать свои плоды, не может затмить внутривосточный конфликт. Социальной поддержкой для все еще действующего президента И.Н. Смирнова оказываются его соратники — в основном люди почтенного возраста, лишённые новых идей и творческой инициативы («отцы-основатели»), а также приднестровская бюрократия.

К 2011 г. харизматическая легитимность, окончательно выродившаяся в традиционную, перестает быть работоспособной. На выборах 2011 г. бесшумному руководителю ПМР не помогает ни попытка экстренно найти новые смыслы для привлечения электората (ИНС = Игорь Николаевич Смирнов = Инициатива, Надежность, Стабильность), ни привлечение политтехнологов, предложивших провести кампанию под лозунгом: «Родина не продается», что стало скорее мемом, чем эффективной политической технологией.

Что происходит тем временем на ниве внешнеполитической легитимации?

С самого начала создания независимого Приднестровья процессы государственного строительства шли вопреки воле центрального правительства. В конфликте приднестровцев и Молдовы Москва взяла на себя роль защитника территориальной целостности МССР. В связи с этим в Приднестровье с большим недоверием относились к политическим инициативам СССР, которые не отражали интересов ПМР в полной мере. Такая же ситуация сохранилась и после распада СССР. Так, генерал А. Лебедь, который должен был остановить кровопролитие, направлялся в Приднестровье прежде всего для того, чтобы предотвратить распад Молдавии. В то же время, оказавшись «на земле», он принял сторону приднестровцев, и получилось то, что получилось, — конфликт был остановлен, подписано соглашение о прекращении огня, установлен миротворческий формат. Впоследствии Россия, хотя и оказывала де-факто поддержку Приднестровью, де-юре выступала за неделимую Молдову, в лучшем случае — за ее федеративное устройство (План Козака), что не учитывало интересы Приднестровья в полной мере и не могло быть принято обществом, пережившим войну. Украина для Приднестровья долгое время оставалась единственным физическим источником связи ПМР с внешним миром, в т.ч. с Россией. Как результат, в Приднестровье выработалась особенная психология, которая может быть описана через тезис: «мы — обособленная часть русского мира» (обособленная в т.ч. от конъюнктурных решений политической элиты России).

В период президентства И.Н. Смирнова закладываются все основные механизмы внешнеполитической деятельности, включая многоуровневый переговорный процесс в формате «5 + 2», закладываются цели внешней политики, проводится референдум по вопросу внешнеполитического выбора ПМР.

Немаловажным событием в контексте внешнеполитической легитимации стало оформление Сообщества за демократию и права народов, так называемого СНГ-2. Это по-своему уникальное событие, т.к. не имеющие де-юре признания, самопровозглашенные государства стремились не только найти поддержку среди подобных себе государств, но и создать международную структуру, посредством которой можно было бы получить внешнюю легитимацию. Таким образом, мы видим попытку «внесистемной» с точки зрения международного права «оппозиции» создать альтернативный порядок. Трансграничный характер организации позволяет рассматривать ее именно в таком международно-политическом контексте, выходящем за рамки традиционного межрегионального сотрудничества. Вместе с тем со временем Сообщество потеряло свое значение, и ПМР продолжила развивать прямые двусторонние связи.

Почему так произошло? Здесь есть ряд объективных причин. Во-первых, признание Абхазии и Южной Осетии со стороны России нивелировало значение Сообщества для этих участников. Но гораздо важнее было отсутствие прямых интересов между подписантами. Все-таки основная задача орга-

низации была скорее символической, рассчитанной на пропагандистский эффект, чем практической. Но сам факт этого события позволяет говорить о проактивной внешней политике, о внешней легитимации как творческом, конструируемом процессе.

Легитимация власти в 2012–2016 гг.: евразийская интеграция, позитивное мышление, внутривластный конфликт

Легитимация власти при втором президенте ПМР Е.В. Шевчуке связана с переходом от многовекторной внешней политики к объявлению в 2012 г. евразийской интеграции национальной идеей. Большое внимание на этом этапе уделялось информационной, имиджевой работе, публичной дипломатии, в т.ч. домашней публичной дипломатии, культурным проектам, применению современных технологий продвижения, что сильно отличало стиль этой легитимации от стиля предшественника.

Социальной опорой не имевшего сильной команды президента становятся молодые чиновники. Основная идея Шевчука во внутренней политике — лишить экономической монополии фирму «Шериф», максимально привлечь российские финансовые средства в развитие социальной инфраструктуры Приднестровья. В этот период Е.В. Шевчук, не имевший такой харизмы, как первый президент ПМР, пытается найти внутреннюю легитимность через внешние цели и стимулы — сотрудничество с Россией. Идея развивать пророссийский вектор становится доминирующей как во внутренней жизни, так и на внешнем периметре, что вызывает негативную реакцию со стороны крупного бизнеса, торгующего с ЕС, а также у непосредственных соседей ПМР. Намечается беспрецедентное ухудшение отношений ПМР с Украиной, особенно после вхождения Крыма в состав России. Теперь Приднестровье официально рассматривается Украиной как угроза.

В этот период активизировался переговорный процесс с РМ, который переживает перезагрузку в рамках тактики малых шагов. Эта тактика приносит результаты, однако подвергается критике со стороны оппозиции, представленной в лице партии «Обновление». Власть пытаются обвинить в предательстве интересов Приднестровья в связи с вероятной распаковкой так называемой третьей переговорной корзины, т.е. активизацией политического урегулирования.

Конфликт законодательной и исполнительной власти во главе с президентом (формально президент к этому времени не является главой исполнительной власти, но является главой государства; фактически исполнительная власть находится под контролем президента) расшатывает основания легитимности власти. Внутривластный конфликт завершается растянутым политическим проигрышем Шевчука на выборах в Верховный Совет ПМР в 2015 г., а затем — на президентских выборах 2016 г. Ставка на молодежь, на единство с Россией и противостояние олигархам не срабатывает. Общество не готово выдавать еще один кредит доверия команде, «украденной» (по оценке сторонников фирмы «Шериф») у населения 30% пенсий и заработных плат.

Надо отметить, что апелляция к международному сотрудничеству (*international engagement*), активно применявшаяся в период президентства Е.В. Шевчука, не была новым явлением для приднестровского политического поля и не исчезла с его уходом. Этот механизм ярко проявил себя во время выборов 2011 (президентские), 2015 (парламентские) и 2016 (президентские) гг., когда борьба осуществлялась между одними «пророссийскими кандидатами» с другими «пророссийскими кандидатами». Таким образом,

апелляция к сотрудничеству с представителями политической элиты России использовалась для того, чтобы узаконить правление внутри страны.

Легитимация власти в 2017–2024 гг.: гомогенное политическое поле, самодостаточность, нейтральность

Процесс передачи власти от второго президента ПМР Е.В. Шевчука к действующему В.Н. Красносельскому осуществлялся в первые месяцы после выборов более-менее спокойно, однако впоследствии были возбуждены многочисленные уголовные дела против экс-президента и его сторонников среди высших чиновников, пересмотрены итоги деятельности АНО «Евразийская интеграция», ставшей проводником российских интересов в Приднестровье. Сама идея евразийской интеграции была подвергнута забвению. Вместо нее новый президент ПМР В.Н. Красносельский взялся за возрождение традиционных ценностей. Происходит возвращение к политике памяти, но в обновленном смысле. Если в первые десятилетия существования республики это была сакральная идея, то теперь речь идет о ее скорее прагматическом, утилитарном воплощении с целью привлечения туристов, развития объектов рекреации, развития городов, экономики. Большое внимание уделяется попыткам улучшить административную сферу управления. Вообще основным лейтмотивом политики становится экономическая целесообразность, а высшей ценностью объявляется самодостаточность Приднестровья¹.

Одним из условий ускорения социально-экономического развития республики объявляется реформирование системы государственного управления, в связи с чем в 2018 г. власть инициирует административную реформу². Цель реформы – ограничить вмешательство государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в т.ч. купировать избыточное государственное регулирование³.

Как пишет приднестровский юрист А.Б. Алексеева, в качестве эталона для проведения реформы использовался опыт западных стран, в частности модель *New Public Management*, предполагающая ориентацию деятельности органов государственной власти на удовлетворение запросов потребителей как базовую ценность. Указанный принцип внедрен и реализуется как в странах с развитой экономикой (США, Великобритания, Германия, Китай и т.д.), так и в развивающихся странах [Алексеева 2019: 156–157]. По мнению приднестровского политолога, директора программ Института социально-политических исследований и регионального развития В.Н. Табак, «основная идея Концепции заключена в создании сервисного государства» и формировании принципиально новых для Приднестровья государственных институтов. Автор сравнивает сервисное государство с фирмой – «поставщиком услуг населению». При этом политолог полагает, что по своему духу – это «макси-

¹ Красносельский В. Самодостаточность – стратегическая задача. – *Фонд государственного резерва*. 17.03.2022. Доступ: <https://fgr.gospmr.org/novosti/1740-vadim-krasnoselskij-samodostatochnost-strategicheskaya-zadacha> (проверено 16.07.2024).

² Распоряжение Правительства ПМР от 05.03.2018 № 150 «Об утверждении концепции административной реформы на 2018–2020 гг.». Доступ: <http://minjust.org/oo/Publication.nsf/805c7c76d1c2ddb8c2258213005be80f/14ede4dbf16209e6c225825c003b43e0!OpenDocument> (проверено 16.07.2024).

³ Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 12.12.2018 № 460 «Об утверждении Стратегии развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 годы». Доступ: <http://minjust.org/oo/Publication.nsf/9306298df912e905c2258221004d4624/0ddb7fc33cda8236c22583610045d473!OpenDocument> (проверено 16.07.2024).

мально деполитизированное государство, максимально адаптивное к любым политическим трансформациям» [Табак 2018: 27].

Все это происходит на фоне отсутствия конкурентной внутривнутриполитической жизни. По состоянию на лето 2023 г. нет ни одной политической силы внутри республики, которая могла бы составить конкуренцию действующей власти.

Отсутствие внутривнутриполитической конкуренции не сильно волнует граждан. Большинство жителей Приднестровья считают, что республика движется в правильном направлении. Как показали обсуждения в фокус-группах в ПМР, проведенные осенью 2020 г. под патронажем российских ученых, большинство приднестровцев действительно поддерживают независимость республики. Их приверженность основана на представлениях об особой идентичности, культуре и ценностях, а также эмоциональной связи с родной землей [Колосов 2022: 71].

Взявшее курс на нейтралитет в геополитических вопросах Приднестровье действительно продемонстрировало чудеса адаптации к негативным внешним реалиям. Ставка власти сработала — население поддерживает проводимый властью курс, что находит отражение в победе действующей власти и на выборах 2021 г.

Все сказанное выше подводит нас к выводу, что на текущем этапе преобладает смешанный тип легитимности, основанный одновременно на традиционном и рационально-легальном господстве. В терминологии исследователей *GIGA*, в системе легитимации власти преобладают процедурные механизмы (*procedural mechanisms*). Так, передача власти в ПМР осуществляется исключительно в связи с волеизъявлением граждан на выборах в местные органы власти, в парламент республики, на выборах президента. Несмотря на то что международное сообщество не признает эти выборы, в целом передача власти происходит в конструктивной манере. Некоторым отходом от устоявшейся практики следует считать громкие уголовные дела, открытые после выборов 2016 г. против политиков и общественно-политических деятелей, поддерживавших второго президента ПМР Е. Шевчука, а также преследование оппозиции.

Выбор механизмов легитимации государства зависит от внутри- и внешнеполитических факторов. В случае с Приднестровьем мы видим постепенный переход от ориентации на «внешний эффект» к желанию построить самодостаточное во всех отношениях государство. Идея о создании самодостаточного государства многократно озвучивается действующим президентом ПМР, она закладывается в документы стратегического характера, становясь конкретно-предметной в ситуациях, требующих политических решений. Одной из таких ситуаций стала нейтральная позиция ПМР в конфликте России и Украины.

К моменту написания данной статьи эту стратегию можно оценить как оправданную. Она позволяет сохранять независимость Приднестровья от прямого внешнего вмешательства, способствует самосохранению государства. Насколько эта стратегия оправдана в отдаленной перспективе, покажет дальнейший ход событий.

Поскольку многие постсоветские государства похожи по своему устройству на Россию, в отношении многих из них применимо определение их суверенитета как «либерально-бюрократического» [Бредихин 2016: 24], что предполагает наличие либеральной (демократической) конституции, а также власть бывшей советской номенклатуры. В Приднестровье бывшая советская номенклатура не стала основой для формирования правящего класса, за

30 лет здесь сложился свой собственный бюрократический класс, который служит социальной базой поддержки политических лидеров.

В текущем моменте наиболее важны такие формы легитимации власти в Приднестровье, как процедурные механизмы и апелляция к эффективности. Опасаясь распространения вооруженного конфликта на территорию ПМР, население с пониманием относится к необходимости быть заодно с руководством страны. В то же время оценка СВО в приднестровском обществе и, тем более, в приднестровской элите неоднозначна. В.Н. Красносельский, находящийся второй срок во главе приднестровского государства, делает все, чтобы информационно отдалить Приднестровье от России, ведущей боевые действия на Украине. Такая позиция позволяет удерживать внешний баланс, но важно и то, что она находит поддержку среди населения, в котором около трети составляют украинцы. Конфликт в соседнем государстве, а также экономический кризис в Молдове выгодно оттеняет государственную систему Приднестровья, делает ее в чем-то похожей на белорусскую модель государственности, которую также отличает устойчивость. Способствует распространению этих механизмов и административная реформа, ставшая лейтмотивом развития системы.

Выводы

Современное Приднестровье не обладает внешним суверенитетом, но обладает внутренним суверенитетом. В целом, власть носит легитимный характер, что находит отражение в результатах выборов и отсутствии сколько-нибудь значимой оппозиции, в стабильности системы. Если политический режим теряет легитимность, население выбирает себе новое руководство. Таким образом, несмотря на критику политического стиля и сомнительность отдельных эпизодов, связанных с внутривнутриполитической борьбой, в целом государственный механизм остается стабильным и поддерживается населением.

Вместе с тем ряд факторов, влияющих на процесс легитимации власти в Приднестровье, остается неизменным. Речь идет о зависимости от дешевого российского газа, поддержки России, зависимости от политико-правовых решений РМ, которая стремится стать членом НАТО. Уникальность приднестровской ситуации заключается в том, что, в отличие от других непризнанных государств постсоветского пространства, Приднестровье не имеет своего патрона в лице РФ основным торговым партнером. Также у Приднестровья нет прямой границы с государством-патроном, в отличие от Абхазии, Южной Осетии или Нагорного Карабаха, что оказывает влияние как на внешнеполитический вектор, так и на выбор механизмов легитимации власти, все больше ориентирующихся на внутренний, а не внешний ресурс. У этого процесса есть свои неоспоримые преимущества, но есть и очевидные недостатки. Власть должна предпринять усилия, чтобы проанализировать последние и постараться минимизировать их негативное влияние в будущем.

Как показал анализ, легитимность политической власти в Приднестровье — категория более динамическая, чем категория суверенитета, подвержена изменениям гораздо более частым, чем суверенитет. За последнее десятилетие Приднестровье не было признано новыми государствами, поэтому здесь наблюдается некоторая стагнация. Впрочем, конфликт на Украине может привести изменения в текущий политический статус Приднестровья.

Список литературы

- Акклаев А.Р. 2005. *Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент*. М.: Дело. 208 с.
- Алексеева А.Б. 2019. Реализация принципа управления по результатам в концепции административной реформы в Приднестровской Молдавской Республике. — *Вестник Приднестровского университета*. Сер. Гуманитарные науки. № 1(61). С. 155-158.
- Бредихин А.Л. 2016. Исторические типы государственного суверенитета России. — *История государства и права*. № 19. С. 19-25.
- Засяева А.С. 2013. Легитимность как необходимый элемент демократии. — *Право и управление. XXI век*. № 2(27). С. 156-161.
- Колосов В.А. 2022. Внутренний и внешний суверенитет постсоветских непризнанных государств. — *Пути к миру и безопасности*. № 1(62). С. 67-91.
- Маркедонов С.М. 2018. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства. — *Вестник РГГУ*. Сер. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. № 1(11). С. 24-40.
- Ожиганов Э.Н. 2023. *Макс Вебер: инвариантность господства*: монография. М.: ИНФРА-М. 179 с.
- Олейников С.В. 2014. Государства с отложенным политическим статусом: резонансное пространство информационных потоков. — *Гуманитарный вектор*. Сер. История, политология. № 3(39). С. 136-142.
- Онопко О.В., Загородний В.В. 2018. Внешняя политика непризнанных и частично признанных государств постсоветского пространства: институциональные основания. — *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. Т. 4(70). № 2. С. 81-93.
- Табак В.Н. 2018. Внутриполитическое развитие Приднестровья (2017/первое полугодие 2018 года). — *Аналитический бюллетень Института социально-политических исследований и регионального развития*. Т. 1. № 1. С. 22-28.
- Черкашина Т.Н. 2018. Проблема международного признания независимости самопровозглашенных государств на территории постсоветского пространства. — *Вестник Омского университета*. Сер. Исторические науки. № 4. С. 214-218.
- Kolsto P. 2006. The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-states. — *Journal of Peace Research*. Vol. 43. No. 6. P. 723-740.
- Lynch D. 2002. Separatist States and Post-Soviet Conflicts. — *International Affairs*. Vol. 78. No. 4. P. 831-848.
- Schneckener U. 2004. *Transnationale Terroristen als Profiteure fragiler Staatlichkeit*. Berlin: SWP-Studie. 37 s.
- Soest Ch., Grauvogel J. 2015. How Do Non-Democratic Regimes Claim Legitimacy? Comparative Insights from Post-Soviet Countries. — *GIGA Research Programme: Legitimacy and Efficiency of Political Systems*. No. 277. Hamburg. 33 p.

BABCHENKO Marina Sergeevna, Senior Lecturer at the Chair of Political Science and Political Analysis, Institute of Public Administration and Social and Humanitarian Sciences, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University (128 October 25 St, Tiraspol, Republic of Moldova (Pridnestrovia), MD-3300; ssbck@mail.ru)

MECHANISMS OF DOMESTIC AND FOREIGN POLICY LEGITIMATION OF POWER IN THE PRIDNESTROVIAN MOLDAVIAN REPUBLIC

Abstract. Based on the classical approach of M. Weber, complementing it with the developments of modern German scientists, the author gives an overview of the mechanisms of legitimation of the Pridnestrovian state from the moment of its creation up to the present day. The analysis of the dynamics of the use of specific mechanisms of legitimation of power in Transnistria reveals the special role of such factors as the international situation, the personal style of political leadership, the availability of resources, as well as the political expediency of their use.

Keywords: Pridnestrovian Moldavian Republic, Transnistria, legitimation of power, external legitimation, internal legitimation, external sovereignty, internal sovereignty, mechanisms of legitimation

---

СМИРНОВ Михаил Евгеньевич – преподаватель кафедры современного Востока и Африки Российского государственного гуманитарного университета (125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6; karibu-smirnov@yandex.ru)

ЭСТАФЕТА ПЕРЕДАЧИ ВЛАСТИ ПО-ТАНЗАНИЙСКИ (к 25-летию ухода первого президента ОРТ Джулиуса Камбараре Ньерере)

Аннотация. Четверть века назад (14 октября 1999 г.) скончался первый президент Объединенной Республики Танзания Джулиус Камбараре Ньерере. Преемники Мвалиму (Учитель – суахили), как его называют танзанийцы, с большей или меньшей степенью завуалированности взяли курс на реформирование созданного отцом-основателем Танзании партийно-государственного устройства общества. В статье рассматриваются основные предпосылки возникшего после ухода с политической сцены Ньерере курса на перемены, отхода партии от своих идеологических установок к центристским позициям и прагматизму на принципах рыночной экономики, частичной приватизации и экономической модернизации; складывания и функционирования системы легитимной передачи власти в ОРТ. Автор приходит к заключению, что Танзания одной из немногих африканских стран удалось в своем постколониальном развитии избежать политической турбулентности с присущими ей военными переворотами и гражданскими войнами, создать и культивировать исключительно конституционный механизм передачи власти; осуществить постепенный переход от сформулированных и проповедуемых первым президентом принципов «уджамаа» и «опоры на собственные силы» к рыночным отношениям при сохранении главного завета Мвалиму – единства нации.

Ключевые слова: Танзания, Джулиус Ньерере, Чама Ча Мапиндузи, экономика, реформы, Али Хассан Мвиньи, элиты